

● ГОСПОДА АРТИСТЫ

Не дай Бог потерять интерес зрителя

С популярным актером театра и кино Александром КАЛЯГИНЫМ беседует корреспондент О. Свистунова.

- Вы могли бы назвать свои любимые роли?

- Я получал удовольствие, когда играл Аргона в "Тартюфе", Эзопа, Леню Шиндина в спектакле "Мы, нижеподписавшиеся...", Ленина в "Так победим!", Платонова в фильме "Неоконченная пьеса для механического пианино", Федю Протасова в "Живом трупе"... Причем и Ленин, и Платонов, и Федя Протасов - роли не напрямую мои. Скорее, даже вовсе не мои. И тут я безмерно благодарен режиссерам, которые выбрали меня. Я цвету и распускаюсь, когда чувствую, что вокруг меня люди, которые верят в меня, любят меня, по-доброму ко мне относятся. Но когда я вижу, что во мне сомневаются, не очень доверяют, тогда все лучшее из меня куда-то испаряется, я становлюсь деревянным, зажатым, буквально не узнаю себя.

- Чего вы больше всего боитесь?

- Надоесть своему зрителю. Я всегда знал, что своего зрителя надо беречь, надо его удивлять, относиться к нему, как к любимой женщине, - трепетно, потому делать ему подарки, приятные неожиданности. Все, что угодно, лишь бы он не привык. Помните, как было еще совсем недавно, - программа "Время" и по первому, и по второму, и по третьему каналу. И всегда уже заранее ясно, что скажут: сначала - о визите Брежнева или постановлении ЦК, потом - о ходе посевной кампании, и в заключение - обязательный прогноз погоды. И так - изо дня в день. Чудовищно. Не дай Бог потерять

интерес своего зрителя. Я больше всего этого боюсь. И чем старше становишься, тем мощнее ты обязан доказывать, что не зря вышел на сцену, что это не биологический фокус: "Смотрите, ему 80 лет, а он еще текст произносит. Надо же!"

- Где вы черпаете силу для творчества?

- Кроме дома, мне никто эту силу не даст. "Дом" я подразумеваю в большом смысле. Это не просто семья, дети. Я в принципе домашний человек. Но в свой "дом" стараюсь никого не допускать. Видимо, это связано с моим детством. Я рос один, у меня не было ни сестер, ни братьев. Мама целыми днями работала в институте (она преподавала иностранные языки), я был предоставлен самому себе. И заложенная тогда, в детстве, привычка самому разбираться в себе, глубоко внутри хранить самое сокровенное, очевидно, существует во мне и до сих пор.

- Если не секрет, зачем вы ездили во Францию?

- У французских коллег есть намерение пригласить в будущем году меня и Настю Вергинскую вести занятия в Чеховской школе. Мы уже преподавали в Париже актерам "Комеди Франсез". Теперь как будто эта идея получает дальнейшее развитие.

- Другими словами, жизнь свободного художника куда вольготнее и разнообразнее, чем жизнь штатного актера.

- Скажу честно, я доволен, что ушел из труппы, но я по-прежнему работаю во МХАТе, каждый год играю по новому спектаклю. Теперь, правда, на договоре. По-

чему я перешел на контракт, - это долгая история. Но МХАТ все равно остается моим театром.

- Но ведь у вас уже в прямом смысле есть свой театр.

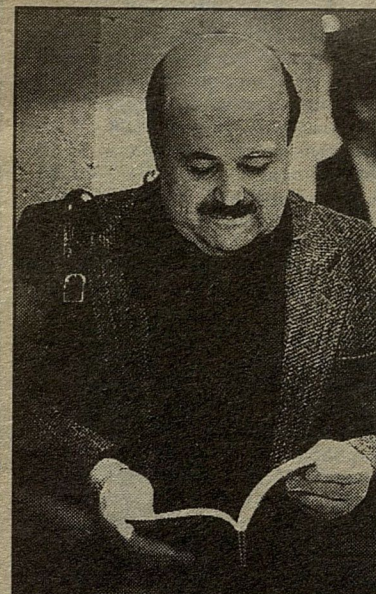
- После того, как я выпустил курс в Школе-студии МХАТ, многие мои бывшие ученики продолжали держаться вместе. И как-то так получилось, что они вновь вовлекли в свой круг меня. Так родился наш театр. Он уже зарегистрирован, у него свой банковский счет, свои спонсоры, среди которых есть, увы, и очень необязательные. Знаете, сейчас у нас все хотят вести дела по-американски, но привычки пока демонстрируют исключительно советские.

- Помните, в одной телепередаче вы сказали, что, если бы не стали артистом, не исключено, что овладели бы профессией гинеколога...

- Я бы не стал иронизировать по этому поводу. На самом деле моя фельдшерская практика (я закончил медучилище) сняла массу комплексов. Прежде всего избавила меня от того, что я ненавижу больше всего, - от ханжества. Я выросл мужскими, человеческими качествами. Так что медицинское прошлое заложило во мне вполне здоровую основу.

- Уж не хотите ли сказать, что все ваши недостатки приобретены во время работы в искусстве?

- Исповедоваться я, разумеется, не стану. Но один эпизод, так и быть, расскажу. Дело в том, что до 35 лет я даже не пробовал горячительных напитков, ни водки, ни коньяка, джина вообще тогда для нас не было. Хотя работал я в медицине, где спирт всегда был

под рукой, к алкоголю я не приоткрылся ни разу. Так вот, "совратил" меня один из моих любимых режиссеров Никита Михалков. Как-то во время съемки трудного ночного эпизода "Неоконченной пьесы..." он спросил меня: "Расслабиться хочешь? Чаю выпьешь?" И тут же попросил помощницу режиссера принести мне чай. Но когда я уже поднес стакан ко рту, по запаху понял, что это вовсе не чай. Это был коньяк. Однако я по-прежнему непьющий. Но пригубить рюмку вина, выпить бокальчик могу.

- Поговорим о ваших последних работах.

- С наслаждением играю Утешительного в "Игроках-XXI", буквально купаюсь в этой роли. И хотя критики по-разному оценили наш спектакль, идет он с неизменным аншлагом. Совсем недавно состоялась премьера нового фильма Михаила Швейцера "Как живете, караси?" - о повсеместном стукачестве. У меня там прелюбопытнейший персонаж.